

Нина Катерли

З Е М Л Я   Б Е Д О В А Н Н А Я

Что бы там не болтал Кепкер- кота звали Барбарисом, а вовсе не Васькой, и всякие Кепкеровы инсинуации, будто кот на Ваську сразу подбегал, а на Барбариса только щурился и дергал усами, все это чепуха и не его, Кепкера, дело. Потому что каждое существо, будь то кот или человек, или даже неодушевленная вещь, должно называться так, как зовет его хозяин, а хозяином Барбариса, безусловно, являлся Нил.

Что же касается самого Кепкера, то как бы не величал он сам себя, а рано или поздно хозяин позовет его и напомнит, кто он и как должен называться. И станет тогда наш Кепкер из Бориса Михайловича- Борухом Мордуховичем, и никакие увертки ему не помогут, пусть обзывают, сколько хочет, чужого кота Васькой, чтобы лишний раз не произнести "Баг-багис".

Вот и Нил, кстати сказать, стал же в конце концов Петром Герасимовичем Ниловым 1906-1973. То же ожидает и Кепкера, сколько бы не крутился.

А раньше, когда Петр Герасимович был еще Нилом, называли его также алкоголиком или алкашом или, еще лучше,- пьяницей. Если же Кепкер, со свойственным ему самомнением и нахальством, говорил Нилу, будто тот нетрезв, Нил обижался и всегда поправлял, что не "нетгезв", а только выпивши, и конечно напоминал Кепкеру, что чья бы корова мычала, а его бы, гражданина Кепкера, лучше помалкивала, потому что известно, кто он такой, этот Кепкер. Но Кепкера подобными словами не возьмешь, и не это слыхивал.

Жил Петр Герасимович, тогда еще- Нил, в небольшом хилом доме из красного кирпича в переулке неподалеку от чинной улицы Чайковского и тихой и богатой улицы Петра Лаврова.

Нил, впрочем, ни ту, ни другую улицу не любил и особенно не разглядывал, хоть водятся и там пивные ларьки. У него был свой любимый магазин, где продавать начинают не в одиннадцать, а без десяти. Адреса этого магазина мы называть здесь не будем, чтобы не наделать неприятностей хорошим людям- и тем, что за прилавком, и тем, кто ждет на улице.

Как, в сущности, мало знаем мы о людях, бок о бок с которыми прожили много лет! Взять хоть Нила- почти три года прошло с того серенького осеннего дня, как стал он ПЕТРОМ ГЕРАСИМОВИЧЕМ НИЛОВЫМ 1906-1973, с каждым часом уходит он, проваливается в бездонное прошлое, как раскинувший крестом руки человечек-парашютист, снятый кинокамерой с самолета во время затяжного прыжка. Летит, тает прямо на глазах темный крестик с раскинутыми руками, без лица, и только туда, только в одну сторону может он лететь, а уж назад- ни за что.

И, если сегодня попытаться представить себе, как выглядел Нил, то всего и вспомнишь неуклюжую, широкую и коротенькую фигуру, разлапистое лицо с толстым круглым носом и всегда красными щечками, волосы, торчавшие так, будто кто-то долго и неумело кромсал их садовыми ножницами, и маленькие, глубоко сидящие медвежьи глазки. А вот, какого они цвета были- уже не вспомнить. Кепкеру тут верить не стоит, он, хоть и был больше двадцати лет соседом Нила по квартире, а все равно- соврет- не дорого возьмет. Имеет же он наглость утверждать, что Нил похож был на татарина, в то время как Петр Герасимович не больше походил на татарина, чем сам Кепкер, а тот уж известно, на кого похож...

Итак, низенький, широкий, неуклюжий. А дальше что? Например, как одевался? Не запомнилось. Вроде было это что-то серое, неприметное, какие-то рубашки с глухо застегнутыми

воротниками, выцветшие, непонятного цвета пиджаки, штаны без складок. Где он это все брал? Было ли оно когда-нибудь новым? Висел ли в шкафу, в его комнате, выходной костюм? Наверное, висел — ведь в чем-то похоронили его, не в грязных же обносках!

Работал Нил на разных работах — и слесарем, и грузчиком, и носильщиком на Витебском вокзале. Даже пенсию какую-то заработал, на нее и жил последние годы, и не такая уж маленькая была эта пенсия, вполне хватало выпить, на что бы там не намекал этот Кепкер. Сам он, видимо, считает, что можно заработать все деньги на свете, а, заработав, взять с собой в гроб, о котором ему уже совсем не вредно иногда подумать, ввиду преклонного возраста.

А Петр Герасимович денег не копил, тратил в первые же дни после пенсии все до копейки, а потом уж существовал на то, что брал у Кепкера в долг. Мог бы, конечно, Нил и подработать, если бы захотел, соседи по лестнице вечно приглашали его то кран починить, то водогрей, то замок открыть, когда ключ в квартире захлопнут. Нил умел чинить краны и открывать замки не лучше нас с вами, однако, почему-то считается, что, если человек ходит в старом пиджаке, небритый и, к тому же, в нетрезвом виде, так его сам Бог велел приглашать для починки водопровода.

Денег за свою работу Нил никогда не брал из принципа, и поэтому никто его не ругал, если из крана после ремонта начинала фонтаном хлестать вода во все стороны, а открытый с помощью топора замок приходилось назавтра менять на новый.

Кепкер Борис Михайлович эти принципы своего соседа по квартире, или, как он выражался, — жильца — осуждал и назы-

вал Петра Герасимовича босяком, что так же не соответствовало действительности как и хамские утверждения Нила насчет покойной матери Кепкера, с которой Нил не то что-чего, а никогда не был и не мог быть даже знаком, так как жила она и умерла в местечке Белынычи Могилевской области, Нил же провел свое детство и раннюю юность в Тверской, ныне Калининской области, а остальные годы прожил в Ленинграде. Встретиться с матерью Кепкера во время войны он также никак не мог: во-первых, не был никогда на Белорусском фронте, а, во-вторых, если бы и был, то не застал бы старуху в местечке, да и самого местечка не застал бы, сожгли его немцы в сорок первом году и жителей всех расстреляли. А Нила призвали в армию в сорок втором.

Где был в это время сам Кепкер- неизвестно. Он-то, понятно, говорит, что служил в танковых войсках лейтенантом, и даже надевает девятого мая какие-то ленточки и ходит с ними на Марсово Поле, якобы на встречу с однополчанами. Пусть себе ходит, не пойман- не вор.

Петр Герасимович, простая душа, всем этим рассказням Кепкера верил, покупал в День Победы на свои бутылку, и, когда под вечер Кепкер возвращался домой и кричал на всю кухню тонким голосом:

- Сержант! Стаканы!- Нил вытягивался перед ним, точно перед старшим по званию, и стаканы всегда приносил.

В обычные дни Кепкер не пил- берег свое драгоценное здоровье и деньги, которые собирался унести с собой в могилу.

Не станем утверждать, что Кепкер воевал обязательно в Ташкенте или Алма-Ате, у него, будто, и справка о ранениях есть, а вот, насчет кота Барбариса- все вранье: и то, что Нил поймал его в чужом дворе с целью сдать в контору, спе-

циальную для таких дел, — как пушного зверя, а потом, будто, оставил — дешево платили, и то, что звали кота Васькой, и что кормил его Петр Герасимович плохо, и ему, Кепкеру, приходилось, дескать, покупать для кота мясо чуть ли не на рынке — из жалости. Нил кота Барбариса очень любил и уважал, кот оставался для него до последних дней самым близким и родным другом, и последние мысли Петра Герасимовича были об этом коте, о чем вы еще догадаетесь.

Первая встреча Нила с котом Барбарисом произошла ночью, когда Нил проснулся на своей раскладушке от холода. Холодно было потому, что пальто, которым накрылся Петр Герасимович вместо проданного вчера за трешку байкового одеяла, совсем не грело, форточку он закрыл неплотно, а теперь ее распахнуло ветром, и даже снежинки влетали в комнату и не сразу таяли. Петр Герасимович встал с раскладушки и босиком, с закрытыми глазами, нащупль зашлепал к окну. Когда он дотронулся уже до форточки, там, на улице, кто-то вдруг зашипел. Квартира, где жил Петр Герасимович, была в первом этаже, который тщеславный Кепкер называл "бельэтажем". Окна этого бельэтажа — совсем не высоко, ниже человеческого роста, поэтому Кепкер настоял, чтобы приколотить к форточкам железную решетку — от воров. Так вот за этой сеткой озябший Нил увидел на фоне метели вцепившегося в раму серого кота. Увидел и сразу заплакал, потому что вид у кота был озябший, как у самого Нила, а решетка, их разделявшая, показалась тюремной. Оба были в тюрьме — кот — по ту сторону окна, а Нил — по эту.

И тогда Нил со всхлипом стал рвать окно на себя, отодрал бумагу, которой оно года два назад было заклеено на зиму, открыл, наконец, обе рамы и впустил кота в комнату вместе с морозом.

Потом они оба лежали на раскладушке под пальто, и сделалось гораздо теплее — кот терся лбом о Нилов живот.

А наутро Нил назвал кота Барбарисом и ни в какую не соглашался на другие имена, тем более, на Василия, несмотря на угрозы Кепкера и крики, что держать животных в коммунальной квартире можно только с абсолютного согласия всех съемщиков. Петр Герасимович на это напомнил Кепкеру, какой он ответственный съемщик и предложил выехать на землю предков, но в тот же день они и помирились, и кот остался Барбарисом, Кепкер же при Ниле звал его просто "Кыс-кыс-кыс", а с глазу на глаз — Васькой.

С появлением Барбариса у Нила завелись новые заботы, он даже приделал на свою лампочку новый абажур, а когда настало лето, наладился ходить на рыбалку. Он и раньше любил отдыхать у Петропавловки, там, на берегу реки Кронверки, как раз напротив Зоопарка, есть поляна, где гуляют с собаками. Растут на этой поляне старые тополя, а под ними, в тени, на мягкой, как в деревне, траве, можно лежать и слушать, как воют на той стороне невидимые звери, кто-то рычит, кто-то даже хрюкает, наверное, бегемот, которого Нил никогда в жизни не видел. Хоть и прожил в Ленинграде чуть не полвека, а в Зоопарке этом почтому-то ни разу не был.

Нил приносил с собой на берег в кармане пиджака маленькую, выпивал ее, не торопясь, на траве, лежал там, сколько хотел, глядя в небо и слушая звуки с того берега, а потом вставал и шел беседовать с владельцами собак.

Владельцы были люди гордые, но Нил уже знал, как с ними разговориться.

—У меня точно такой был, — начинал он робко, подойдя к

собаке, — Рексом звали. И тоже — волкодав, только хвост крючком. Медалист!

— Это — доберман-пинчер, — смягчался хозяин собаки, — не надо гладить, может покусать.

Но собаки никогда не кусали Нила.

Теперь, когда у него появился свой кот, Нил уже не заигрывал с чужими собаками. Выпив маленькую и подремав минут сорок, шел он через мостик на набережную, устраивался у парапета, вынимал банку с червями, насаживал и ловко закидывал удочку. Он не старался забросить далеко, где плавали, наверное, большие рыбы. Ерши и мелкие окуньи лучше всего ловились у берега, среди шевелящихся зеленых водорослей и ярких конфетных бумажек.

Нил был удачливым рыболовом — у него клевало в любое время дня и в любую погоду, вопреки всем правилам. И перед дождем, и в жаркий полдень, когда, всем известно, никакая рыба не ловится, он ухитрялся натаскать полный полиэтиленовый мешок разной мелочи, садился в автобус и ехал к себе домой, где ждал его голодный Барбарис.

— Шестьдесят лет прожил — ума не нажил, — каждый раз говорил Кепкер, завидя его с мешком, — лучше бы делом занимался!

Каким таким делом должен был, по его мнению, заниматься Нил, Кепкер никогда не объяснял. А Нил не спрашивал. Не спрашивал он никогда и чем занимается сам Кепкер, поэтому об этом до сих пор ничего не известно, а неплохо бы выяснить.

Бывает и в самом начале лета — вдруг сорвется с дерева до времени пожелтевший лист и, вздрагивая в воздухе, медленно начнет падать. Отчего он засох и слетел в июне, от болезни

что ли какой, — кто его знает, а только смотришь на него и думаешь: вот, — лето на дворе, жара, ох, как далеко еще до осени, все листья на дереве здоровые, зеленые, но — не успеешь оглянуться, — пожелтеют, посыпятся на землю друг за другом. Ни один листок не уцелеет, все упадут.

Так думал и Нил каждое лето, замечая первый желтый лист, летящий к земле.

А сейчас таких листьев было уже порядочно. Стайками плывали они в лужах, плоские, не успевшие засохнуть и свернуться, а лужи были еще по-летнему светлыми, голубоватое утреннее небо отражалось в них.

Нил шел по улице, оставив за спиной любимый свой магазин. Был он в этот ранний час очень трезвым и тихим; вечером, как надумал пойти, рюмки не выпил, а сегодня побрился, для чего-то надел зимнюю шапку — другой не было — и вот, отправился.

Непривычно хотелось есть — с утра всегда, наоборот, пить хотелось, а в голове было как-то странно: гулко, точно в пустом, высоком доме.

Редко Нил на улице смотрел по сторонам. Когда трусил в магазин, перебирая в кармане рубли и мусоля мелочь, бывал он деловитым и озабоченным, прикидывал — на что хватит — на большую, на маленькую или на красное, а, бывало, только на пиво. Из людей всего и видел он — много ли народа у дверей, да есть ли кто знакомый.

Сегодня Нил глядел во все глаза. Приличные люди, одетые, как Кепкер, в выходной, шли ему навстречу с большими портфелями, и Нил подумал, что, наверное, это все начальники, чистые такие, гордые, как владельцы собак. А многие, особенно женщины, вели за руки маленьких детей, и тогда Нил

вспомнил, что- вот смех! Он-то ведь за всю жизнь ни разу не ходил по улице с ребенком за руку. Подумал, и не то, что себя пожалел, а как-то удивился: надо же,- старик, сколько лет отжил, а, смотрите,- ни с портфелем походить не пришлось, ни детей заиметь.

Правда, у Кепкера, вот, тоже- никого нету, но Кепкер- другое дело, кто он такой- человек без роду и племени.

И еще внимательнее стал он глядеть по сторонам, на дома с красивыми балконами, на блестящую заграничную машину, на заспавшую цыганку, ни свет ни заря уже продающую краденые цветы.

Хоть и прожил Нил почти всю жизнь в городе, а привык почему-то считать себя человеком деревенским, даже часто спорил с Кепкером- кто главнее- город или деревня. И всегда говорил, что, конечно, деревня, она- кормит.

Кепкер тут же начинал болтать про технику и промышленность, только кто будет слушать его трепотню- не кепкеры землю пашут, не они на заводах у станков уродуются.

А сегодня утро было особенное, с этими голубыми лужами и листьями в них, сегодня и дома были особенные, нарядные, и почувствовал Нил, что любит этот город и почему-то даже жалеет его, и всех людей, даже тех, важных, с портфелями. И Кепкера жалеет за то, что не дано тому вот так, хозяином, смотреть на лужи и деревья и радоваться, потому что чужие они ему, горемыке. И еще Нил почувствовал, что, наверное, скоро умрет. Это не было страшно, а было, наоборот, как-то спокойно, будто так и надо. Пора. Только еще жальче сделалось, точно без него одни останутся без присмотра все эти улицы и

дома с балконами.

Нил еще быстрей пошел, пересек трамвайную линию, проторпал по тихому переулочку, такому узкому, что хотелось боком идти, а на углу вдруг остановился. Шел от самого дома и не думал, как подойдет, как в дверь войдет да зачем все это, шел-и все. А тут застеснялся и ни шагу. Постоял, постоял, посмотрел через улицу на зеленые купола, на кресты золотые, стащил с головы свою шапку и волосы пригладил пли-терней. Хотел-было перекреститься, даже руку ко лбу поднес, да опять чего-то застеснялся и боком-боком назад в переулок, а вдруг там, сзади, где-нибудь в подворотне стоит и ехидно ухмыляется Кепкер?

Если вы подумаете, что после этого прекрасного утра Нил бросил пить и занялся раздумьями, то сильно ошибаетесь. Нил он по-прежнему, если не больше, и с Кепкером по-прежнему ругался, но только, как пожалел тогда дома и улицы, так же, еще даже сильнее, жалел теперь своего кота Барбари-са, все думал, что станет со зверем, когда его, Нила, зароют в землю. Пытался он заговорить на эту тему с Кепкером, но тот ничего умнее не придумал, как замахать руками и закричать:

-Болтает! Сам не знает, что болтает! Он, полюбуйтесь на него, собрался умирать! Меньше надо пить, вот что я вам скажу!

Ничего не понял он, Кепкер. И Нилу пришлось плюнуть на пол и помянуть опять недобрым словом кепкеровскую старухумать, отдавшую концы в местечке Белынычи.

Конечно же, это - история сентиментальная. Но читатель вовсе не обязан распускать юни-ах, дескать, какая жалость: доживают свой век в каком-то паршивом домишке, наверное, без удобств, два одиноких, заброшенных старика. Мол, бедные, несчастные, добрые старики!

Нечего их жалеть, ничего в них нет хорошего. Что же до паршивого, якобы, домишкы, то, если бы квартира, в которой проживали наши герои, признана была непригодной для жилья, их давно бы поставили на очередь, а раз не поставили, значит, жилось им не так уж и плохо. А главное, посудите сами: один - алкаголик, подонок, валяющийся на голой раскладушке в обнимку с грязным котом, другой - неизвестно кто, может быть, даже подпольный валютчик, с отвратительным акцентом и вечной перхотью по плечам. Нашли кого жалеть!

Если же вы вздумаете умилиться их дружбой-ах, хоть и повздорят старики иногда по пустякам, а живут все-таки почти душа в душу рядом уже двадцать лет - вот, тогда вы опять попадете впросак.

Какое там "душа в душу"! Пожалуйста вам пример: уже осенью, в довольно-таки скверную погоду, возвращаясь вечером с работы, Кепкер обнаружил Нила спящим около парадной и, что вы думаете? Поднял? Отвел домой? Или, хотя бы, попытался разбудить? Не знаете вы Кепкера! Он спокойненько вошел в квартиру, вытерев у двери ноги, переоделся в пижаму, умылся, разогрел себе обед, а пообедав, сел к телевизору - смотреть "Семнадцать мгновений весны" или что-то там такое же, с продолжением. И только тут он подумал, что надо бы вынести мусор, отодрал се-бл от стула, взял в кухне почти полное помойное ведро и вышел на улицу.

Нила он застал на том же месте - у крыльца. Тот уже не

спал, а сидел, прислонившись к стене, и внимательно всматривался в вечернее небо, робко выглядывающее из-за крыши высокого дома напротив. Кепкер, поджав губы, прошел мимо, даже не взглянув на Нила, свернул под арку, во двор, погремел там ведром и той же неторопливой походкой вернулся обратно.

—Слышь, — окликнул его Нил с земли, — я сон сейчас видел.

Кепкер не сказал ни слова, еще больше поджал губы, а уголки рта опустил вниз. Но все-таки он остановился, стал иронически смотреть сверху вниз на Нила и даже приподнял одну бровь.

Тогда, держась за стену, Нил поднялся и, оглянувшись по сторонам, сказал Кепкеру на ухо, что только что видел во сне самого Троцкого.

— Как живой, — возбужденно шептал Нил, дыша водкой, — речь говорит, весь тряется, как зараза, а тут... — Нил ткнул пальцем прямо в губы оторопевшему Кепкеру, — тут — слюна!

Кончилось "бабье лето", кругом почернело, деревья стояли голые, по ночам за окном Ниловой комнаты стучал и стучал настырный дождь, не было ему покоя ни на минуту, будто и его тоже мучила бессонница, и он не мог закрыть глаза до самого рассвета, когда окно становилось сперва серым, а потом белым, и делалось видно, какое оно грязное, все в потеках.

Нил не пытался больше разговаривать с соседом о смерти, Кепкер ничего не понимал и боялся, и правильно боялся — их нации предстояло после смерти гореть на вечном огне.

Утром, лежа с котом на раскладушке, Нил усмехался, слыша в коридоре мелкие шаги Кепкера, шум воды и позвякивание

чайника на кухне. Жадному Кепкеру не лень было вставать ни свет, ни заря и тащиться под дождем через весь город—зарабатывать деньги, которые он и тратить-то как следует не умел.

И только однажды Нил вдруг подумал: а что, если не за деньгами бегает на свою работу Кепкер, а от смерти? Вот так—бегает, бегает мимо нее, всегда озабоченный, как бы при деле, авось—и обманет. "Зачем,— скажет смерть,— такого брать, он занят. Другое дело—Нил, у него для всего время найдется, а уж для смерти-то и подавно". И опять ни капельки Нилу не страшно стало—чего ж, человек он рабочий, простой, на фронтах воевал, не может быть, чтобы после смерти его как-нибудь обошли и обидели. Что именно там будет, он не думал, просто не боялся—и все. И даже с облегчением размышлял, что пальто драное, которым они с котом накрывались и в котором, останься Нил в живых, предстояло бы еще ходить зиму, что пальто это зимой ему уже не понадобится.

Вот, только кот...

Как-то в конце октября дождь взял отгул. Целый день светило солнце, небо было, хоть и холодным, а синим. С утра подморозило, и под ногами похрустывали лужи. Нил вышел из дома, держа на груди, под пиджаком, кота Барбариса, кот спал. Он дрых пока Нил поднимался с раскладушки, не просыпался и теперь, посапывал даже под пиджаком, тяжелый и горячий.

—Дрыхни, зараза,— сказал Нил коту, чтобы не дать себе расчувствоваться.

Эту столовую он присматривал и наметил давно. Окна ее были низко, форточка никогда не закрывалась, и из нее на улицу шел вкусный пар. Было в столовой всегда чисто, на столиках—цветы в глиняных вазах, а у кассы сидела на табуретке толстен-

ная бабища в белом колпаке. Лицо бабищи казалось грустным и незлым, и Нил, глядя на нее поверил, что такая никого не сможет обидеть.

Сейчас, дойдя до столовой и остановившись перед фортокой, он заглянул внутрь и увидел: бабища сидела на своем месте и зевала. Тогда Нил вытащил из запазухи спящего кота, встал на цыпочки и просунул Барбариса в фортку. Очнувшись за стеклом на подоконнике, кот ничуть не удивился и не испугался, начал потягиваться, Нил же немедленно повернулся к окну спиной и бегом заковылял обратно. Напился он в тот день так, что не появился дома до утра, приходил в себя в вытрезвителе. Вернувшись домой в дурном настроении он на пороге квартиры встретил Кепкера.

- Ходит! - звяжигнул Купкер, - Хазерим пьяный! По милициям его ищи.

Кто такой этот "хазерим", Нил, конечно, не знал, наверное, сволочь какая-нибудь, но ругаться ему не хотелось, просто сил не было, чувствовал себя слабым и разбитым, будто не в вытрезвителе ночь провел, а на каменном тротуаре. Так что пожелал Нил Кепкеру валить к себе домой, на землю бедованную, где его ждут - не дождутся такие же, как и он, умники, а не вязаться тут к рабочему человеку, хозяину своей страны.

Все это Нил сказал Кепкеру как-то вяло, без удовольствия, да и Кепкер ничего не стал орать насчет бедованной земли, ему было некогда: торопился на работу - обманывать свою смерть.

А за Нилом смерть явилась ночью перед самыми Октябрьскими праздниками. С вечера хлопали на дожде мокрыми полотнища-

ми темные от воды флаги, строго смотрели со стен большие начальники. Кепкер, ворча, мыл на кухне газовую плиту, а Нил и выпил-то всего ничего— бутылку бормотухи, поллитру назавтра берег, не будут ведь продавать, гады. Выпил и сразу заснул, а утром его уже не было.

Похороны устраивал Кепкер. С листом бумаги ходил он по квартирам, всех записывал и везде повторял одну и ту же фразу:

— Прошу посильнее ~~ниловича~~ принять участие в погребении товарища Нилова. Кто чем может.

Кто давал двадцать, кто— тридцать копеек, а кто даже рубль. Денег набралось, прямо скажем, маловато, но то ли жилконтора помогла, то ли Кепкер свои доложил, а только похороны получились совсем как у людей. Даже венок был с лентой, от старушек из домового комитета, тех самых, что как раз год назад ходили в милицию с заявлением, чтобы выселить Нила, в качестве алкоголика, на сто первый километр. На ленте золотыми буквами было написано "ПЕТРУ ГЕРАСИМОВИЧУ НИЛОВУ от группы товарищей."

Так вот и стал с этого дня Нил ПЕТРОМ ГЕРАСИМОВИЧЕМ НИЛОВЫМ 1906-1973 и останется им теперь надолго, до того самого дня, когда сроет бульдозер на кладбище его могилу— как непосещаемую. Но это случится еще нескоро, после смерти Кепкера, а тот живучий.

А кем они будут потом, когда исчезнет и другой холмик— "Борух Мордухович Кепкер"? Как их будут называть и нужны ли там вообще имена? Как встретятся и узнают ли они друг друга, когда тела обоих станут уже землей,— одной землей и для Нила и для Кепкера, общей их "бедованной землей"?

Вот, какие странные вопросы приходят иногда в голову,

но ответа на них искать не нужно. Пусть себе падают нам под ноги среди ясного лета неизвестно от какой горести засохшие листья, вовсе не обязательно видеть в этом нормальном явлении природы какие-то там дурные, мистические знаки. Не нужно также попусту верить слухам, слухи распускают у нас не со зла, а от нечего делать, от скучи, чтобы было что обсудить, сидя вечером у ворот. Особенно нельзя слушать старух, будь они даже членами домового комитета. У старух- жидкые мозги и слепые глаза, им всегда трезвый человек с перепугу видится пьяным. Так что все разговоры, что, мол, Кепкер стал выпивать- чепуха и выдумки. Во-первых, известно, что они не пьют, а потом- как же может он выпивать, когда так следит за своим здоровьем и трясется-вдруг прогонят с работы на пенсию? Поминки, действительно были. И девять дней, и- сорок. Все, как полагается, тут Кепкер молодец, все организовал, не посмотрел, что у них у самих ничего этого не принято А на поминках только дурак не пьет или скотина, которая не уважает покойника Выпил с жильцами и Борис Михайлович, выпил и вел себя вполне прилично- не пел, не плясал и не дрался. По поводу того, что он, будто, плакал, можно смело утверждать, что это- тоже вранье, чего ему плакать, скажите пожалуйста? Жалеть пьяницу, который за двадцать лет совместной жизни в коммунальной квартире ни разу не вымыл места общего пользования? Алкоголика, вечно выклянчивающего в долг? Нет, деньги Нил всегда возвращал аккуратно, в срок, тут ничего не скажешь, но разве это повод, чтобы плакать на его поминках?

Самое смешное, что кот Барбарис зимой вернулся. Шел как-то Кепкер из булочной, и на лестничной площадке поддал

что-то мягкое. Кот заорал, Кепкер выругался, а потом пригляделся в темноте и узнал Нилова любимца. Обрадовался Кепкер не слишком, но в квартиру кота впустил и даже налил ему молока, правда, вчерашнего.

Хотелось бы тут написать, что Кепкер, ставший после смерти Нила чувствительным и добрым стариком, с радостью оставил у себя осиротевшего кота, как память о покойном соседе и друге, но, увы, — это было бы неправдой. Кот, действительно, живет пока у Кепкера, живет уже третий год, с улицы видно, как лежит он, толстый, точно подушка, на подоконнике около горшка с кривым кактусом и дремлет. Но каждый раз, когда Кепкер несет в сетке рыбу, и старухи,ечно торчащие на скамейке, спрашивают его: "Котику?", Кепкер наставительно им отвечает:

— Я животных не люблю. Обижать и морить голодом их не буду, а любить — тоже не за что. Животное — это животное, хотя бы и Багбагис. А человек — это человек...

Зануда он все-таки, этот Кепкер.

Еще говорят, что в новой пятилетке дом пойдет на снос. Жильцов всех выселят в новые районы, предоставляют, кому положено, отдельные квартиры, а дом сломают до основания. А затем построят на его месте новое, просторное здание из стекла и бетона, и придут в это здание новые хозяева, серьезные, строгие люди с портфелями, гораздо больше подходящие, чтобы жить и работать в серьезном районе около улиц Чайковского и Петра Лаврова.

ЗЕМЛЯ

Землю, где растут сейчас возле осевшей стены дома какие-то лопухи, одуванчики и другая сорная трава, всю перепахают,

перелопатят и посадят там луковицы тюльпанов. А, может, и земли никакой не останется, всю ее загородит бетонное здание, до самого тротуара.

Впрочем, чего гадать и слушать бабьи пересуды? Как будет - так будет.
